

Книга Олега Арина (под этим псевдонимом выступает известный политолог и специалист по Японии Р.Ш. Алиев, ныне преподающий в Оксфорде) отличается подлинной фундированностью и основательностью, чего так не достаёт трудам большинства российских исследователей политики. Автор стремится к точности в терминологии и трезвости в оценках. Он уличает как российских, так и западных коллег в расплывчатости терминов, когда за одними и теми же словами стоят совершенно разные понятия. Арин предсказывает, что в XXI в. «Россия перестанет (фактически уже перестала) оказывать влияние на ход мировых событий. На языке геостратегии это означает, что Россия потеряла статус великой державы, перестала быть центром «силы» и мировым полюсом, определяющим структуру международных отношений» (с. 7). С этим нельзя не согласиться. С конца 1980-х годов, времени падения коммунистических режимов в Восточной Европе, ещё до своего краха СССР перестал оказывать сколько-нибудь существенное влияние на ход мирового развития, фактически признав свой проигрыш в холодной войне. С этой точки зрения, США и их союзники ни объективно, ни субъективно не были заинтересованы в распаде Советского Союза, который только уменьшил стабильность на постсоветской территории. По мнению Арина, у России сейчас нет каких-либо серьёзных геополитических интересов на Кавказе и Ближнем Востоке, поэтому война за удержание Чечни в составе Российского государства бессмысленна, вредна и должна быть как можно скорее прекращена.

Арин утверждает, что Россия, вследствие довольно небольшого объёма своего ВВП (по этому показателю она находится где-то во втором десятке государств), не способна влиять на мировую политику и экономику. Единственное, что ей под силу, - это упрочить статус региональной державы, да и то лишь в том случае, если она будет придерживаться политики, которую ей предлагает автор книги. Арин убежден, что только *«социалистический выбор»* спасет Россию от катастрофы.

Вероятно, самый интересный раздел книги посвящен иллюстрации выведенного Ариным «закона оптимальных затрат на внешнюю политику». Как показывает исследователь, затраты России на внешнюю политику и оборону составляли в 1999 г. 81 млрд. дол., тогда как у США этот показатель достигал 298 млрд., у Японии - 52 млрд., а у Англии - около 44 млрд. При этом доля соответствующих расходов в российском бюджете превышает 26% (а с добавлением скрытых в других статьях издержек -30%), в американском же - лишь 17%. Арин приходит ко вполне объективному выводу о том, что даже нынешние расходы нашей страны на проведение внешней политики являются избыточными по сравнению с весьма скромным экономическим потенциалом. Затраты на оборону убавлять нельзя - они и так не обеспечивают ни поддержание минимальной боеспособности вооруженных

сил, ни проведение давно назревшей военной реформы. По совести сказать, надо бы сократить не расходы, а армию - раза в два, чтобы она больше соответствовала той сумме, которую государство в состоянии выделить на ее содержание. Со своей стороны Арин предлагает значимо уменьшить издержки собственно на внешнеполитическую деятельность, а для этой цели сократить аппарат МИДа и масштаб его работы. Предложение разумное, поскольку «внешнеполитический потенциал России «пожирает» более важные статьи расходов в бюджете, от объема которых зависит само существование нынешнего капиталистического государства» (с. 436). Однако автор нисколько не обольщается насчет того, что его идея будет востребована руководителями внешнеполитического ведомства и страны в целом.

Какую же программу российской внешней политики предлагает Арин? Он очерчивает те регионы, где есть реальные российские интересы, и предлагает исходить из того, что главная задача любой внешней политики заключается в увеличении «экономической массы» страны. К приоритетным регионам Арин относит СНГ, Европу и Дальний Восток.

К сожалению, Арин отдает дань расхожим иллюзиям о прежней выдающейся экономической и научно-технической мощи СССР и о том, что наша страна - теперь уже Россия - может достичь счастья и процветания, не оглядываясь на мировое сообщество. По мнению исследователя, «России необходимо отказаться от концепции «многополярности» не только из-за ненужных затрат на приобретение статуса «силы» и «полюса», но и из-за того, что многополярная система представляет самый опасный вариант международных отношений (это борьба всех против всех)» (с. 445). С этим тезисом трудно не согласиться. А вот мысль о том, что «с точки зрения внешнеэкономической стратегии России не требуется вхождение в мировой рынок» (с. 453), представляется более чем спорной. Арин обосновывает этот тезис соображениями о том, что «русская культура, уместной для русского народа не приемлют индивидуалистического капитализма. Для русского государства с его обширными пространствами и вечными внешними угрозами характерны централизованная форма управления и коллективная форма собственности, а следовательно - социализм в его первоначальном, российском варианте. В отличие от прежнего авторитарного социализма, нынешние его формы должны базироваться на всех формах собственности при концентрации в руках государства базовых отраслей промышленности (энергетика, транспорт, средства связи, почта, военная промышленность) и стратегического сырья. При всей нерентабельности этих отраслей и капиталоемкости в разработке стратегических ресурсов они задают импульс развитию всех остальных форм собственности...

Такой контроль предотвращает их захват иностранным капиталом, который может работать только против экономических интересов России» (там же). Это - призыв к автаркии в самом классическом виде.

Арин обосновывает уход России из мирового хозяйства тем, что им управляют международные организации, представляющие интересы транснациональных корпораций из трех центров капитализма - США, Западной Европы и Японии, - с которыми российские компании в принципе не в состоянии конкурировать. При этом «у России нет никакой актуальной необходимости входить в мировую экономику, потому что ее территория обладает всем необходимым для самообеспечения и процветания. Более половины мирового богатства находится на территории России. В мире нет ничего такого, что Россия не могла бы произвести сама» (с. 454). Произвести-то могла бы, но весь вопрос в том, каковы будут издержки. Сколько, к примеру, будет стоить «изобретение велосипеда» – самостоятельная разработка уже существующих в мире высоких технологий? А насчет половины мирового богатства на территории России - не очень понятно, кто и как его считал.

Сам же Арин выступает за сохранение территориальной целостности России, в том числе и за то, чтобы Калининградский анклав остался российским. Но этот регион просто не может существовать без включения в мирохозяйственные связи. По поводу же дальневосточных земель нашей страны исследователь утверждает: «Если всей России мировой рынок не нужен, то российскому Дальнему Востоку нужен, но не весь, а рынок Северо-Восточной Азии. Взаимодействие с ним может дать определенный экономический эффект для развития РДВ. Следовательно, в экономической стратегии должен быть сделан упор на развитие отношений с Китаем, двумя Кореями и западными территориями Японии» (с. 454). Вместе с тем Арин категорически против возвращения японцам Южных Курил, а без этого надежда на привлечение японского капитала - не более чем благое пожелание, не имеющее шансов на осуществление. Наивно думать, что российский Дальний Восток - самый привлекательный в мире регион для японского капитала. Японцев пока вполне удовлетворяют доходы от российского морского браконьерства. И невозможно представить себе автаркическое государство, в котором отдельные регионы, вроде Дальнего Востока или Калининградской области, работают практически в режиме свободных экономических зон. Это – верный путь к постепенному отделению названных регионов от России.

Как утверждается в книге, в советское время экономика страны росла быстрее всего, и в 1985 г. будто бы ВВП СССР составлял уже половину от ВВП США, тогда как в 1913 г. разрыв между ними по объему промышленного производства был

восьмикратным, естественно, в пользу Америки. Соответственно, в 1913 г. на Россию приходилось 4,4% мирового промышленного производства, а на США - 35,8% (с. 407). Арин также приводит диаграмму, согласно которой в 1999 г. американский ВВП превосходил российский в 25 раз (с. 348). В этом можно не сомневаться. А вот в том, что в советское время экономическая мощь страны была всего вдвое меньше американской, позволительно усомниться. Тем более что, по данным таблицы на с. 412, ВВП СССР и США различались в 1985 г. не в 2, а почти в 3 раза, а таблица на следующей странице показывает: в том же 1985 г. ВВП двух стран различались только в 2 раза. Поскольку ВВП США практически равен ВВП, подобный разброс оценок требует объяснений, от которых Арин уклоняется. Но и та, и другая оценка на самом деле весьма далеки от действительности.

Еще 13 лет назад мне довелось сравнивать ВВП двух сверхдержав на 1983 г., когда на советских показателях еще не сказывалось падение цен на нефть (см.: Соколов Б.В. Советская экономика: правда и миф // «Литературный Киргизстан» (г. Фрунзе), 1989, N 5). Тогда, исходя из равенства военных расходов СССР и США (его признает и Арин, приводя на с. 412 следующие показатели военных расходов в 1985 г.: 258 млрд. дол. у США и 277 млрд. дол. у СССР), величине и доли фонда зарплаты в национальном доходе двух стран, я установил, что ВВП США тогда шестикратно превосходил ВВП СССР. Да и любой человек, побывавший в Америке в те годы, подтвердит, что мы никогда не жили всего лишь вдвое хуже американцев. По всем показателям уровня жизни, будь то число автомобилей, телефонов, телевизоров и прочей техники на душу населения, разрыв составлял 5–10 раз. За советские годы соотношение ВВП двух стран если и изменилось в пользу нашей страны, то очень незначительно. Те цифры, относящиеся к экономике, которыми любили козырять советские лидеры, в большинстве своем относились к мнимой стоимости, не влиявшей ни на уровень жизни людей, ни на уровень обороноспособности страны, а представляющей собой лишь способ перераспределения реальных материальных благ. Так, Советский Союз производил больше всех в мире стали и тракторов, но при этом был также крупнейшим импортером стального проката и не мог похвастать впечатляющими успехами в сельском хозяйстве. Какое-то ощутимое повышение уровня жизни в СССР происходило только в те периоды, когда военные расходы были относительно низкими. Это - середина 1920-х годов, т.е. разгар НЭПа, и вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов, до завязки хрущевских экспериментов в сельском хозяйстве и нового витка гонки вооружений при Брежневе. Высокие же цены на нефть после 1973 г. и до начала 1980-х привели к сколько-нибудь существенному повышению уровня жизни только в Москве и некоторых других крупных городах. Следовательно, если подходить к оценке советской экономики

объективно, никакого впечатляющего ее роста за 70 лет коммунистического господства не было, а произошло лишь перераспределение расходов в пользу обороны и уменьшение разрыва в распределении доходов между различными социальными слоями. Поэтому и падение экономики после 1985 г. было не столь значительным, как утверждают сторонники социалистического выбора для России, и Арин в их числе. Правда, в случае Запада и Японии он готов признать полезность для этих регионов выбора капиталистического.

Борис Соколов
2012
<http://www.rami.ru>